

Д. Б. Шелов

НЕКОТОРЫЕ ВОПРОСЫ ЭТНИЧЕСКОЙ ИСТОРИИ
ПРИАЗОВЬЯ II—III вв. н. э. ПО ДАННЫМ
ТАНАИССКОЙ ОНОМАСТИКИ

ЛИЧНЫЕ имена, встречающиеся в эпитафических памятниках античных городов, являются важным источником для суждения о этническом составе населения городов и для реконструкции этнических процессов, протекавших в самих городах и в их округе. Пожалуй, наиболее интересны в этом отношении ономастические данные, представляемые надписями Танаиса II—III вв. н. э. Это объясняется двумя обстоятельствами. Во-первых, в надписях Танаиса особенно велик процент имен негреческого происхождения, что отражает гораздо большую степень варваризации этого города, чем других центров Северного Причерноморья. Это было замечено еще первым исследователем Танаиса П. М. Леонтьевым¹ и отмечалось затем всеми учеными, изучавшими танаисские надписи: особо следует упомянуть проведенное С. А. Жебелевым сравнение состава греческих и варварских имен различных боспорских городов². Во-вторых, танаисские надписи содержат относительно большое число имен жителей города. Как нам удалось выяснить, почти все граждане города состояли в религиозных союзах-фиасах и благодаря этому их имена оказались запечатленными в эпитафических памятниках, большинство которых составляют списки фиасотов³. Это позволяет считать наблюдения над этническими связями танаисского ономастикона характерными для всего свободного и полноправного мужского населения Танаиса.

Общая характеристика состава имен танаисских граждан уже была дана нами в монографии, посвященной истории Танаиса первых веков н. э.⁴ Там же были отмечены и трудности, связанные с определением, атрибуцией и интерпретацией отдельных имен и всего ономастического материала в целом. Здесь мы только кратко коснемся основных выводов, полученных из рассмотрения всего этого материала, подробно же остановимся лишь на одном частном вопросе — о составе имен иранского происхождения.

¹ П. Л е о н т ь е в, Археологические разыскания на месте древнего Танаиса и в его окрестностях, «Прошлеи», IV, 1854, стр. 431.

² С. А. Ж е б е л е в, Боспорские этюды, ИГАИМК, вып. 104, 1935, стр. 43—44 = СП, стр. 202—203.

³ Д. Б. Ш е л о в, Танаис и Нижний Дон в первые века нашей эры, М., 1972, стр. 253—254, 277—278.

⁴ Там же, стр. 241—254.

В настоящее время известны имена 938 лиц, упомянутых в надписях Танаиса II в. и первой половины III в. н. э. Все эти танаисцы по характеру имен могут быть разделены на следующие группы:

1. Лица с именами греческого происхождения — 518
2. Лица с именами римского происхождения — 37
3. Лица с именами иранского происхождения — 303⁵
4. Лица с именами семитического происхождения — 7
5. Лица с именами фракийского происхождения — 10
6. Лица с именами малоазиатского происхождения — 35
7. Лица с именами неясного происхождения — 28

Разумеется, индивидуальные имена танаисцев не определяют этническую принадлежность их конкретных носителей, и решение вопроса об этнической принадлежности каждого данного лица на основании анализа его имени невозможно. Но общий состав имен в обществе в целом все же дает представление об этнических компонентах этого общества и даже в какой-то степени об их удельном весе. Поэтому большой интерес представляет соотношение между двумя основными группами имен, бытовавших в Танаисе, имен греческих и иранских, в сумме составляющих более 85% всех имен. Это соотношение не оставалось неизменным. Рассматривая по отдельности имена, упомянутые в надписях II в. н. э. и в надписях первой половины III в., мы можем определить динамику этого соотношения. Для большей хронологической детализации следует еще отделить имена лиц, упомянутых в надписях, от имен их отцов, т. е. от отчеств.

Выразив в процентах соотношения числа имен разных групп, мы получаем следующую таблицу:

Лица с именами	II в. н. э.		Первая половина III в. н. э.	
	отцы	сыновья	отцы	сыновья
Греческого происхождения	71	64	55	42
Иранского происхождения	14	23	33	46
Прочие	15	13	12	12
Всего	100	100	100	100

Из таблицы ясно видно, что в то время как относительное количество греческих имен с течением времени неуклонно сокращается, число имен иранского происхождения столь же неуклонно возрастает. Общая тенденция здесь настолько ясна, что позволяет различить стоящий за ней реальный этнический процесс — постепенную варваризацию населения Танаиса на протяжении II — первой половины III в. н. э.

Греческие имена, встречающиеся в танаиских надписях, не представляют особого интереса. В большинстве случаев это широко распространенные имена, бытовавшие на всех территориях античного мира и не позво-

⁵ Отметим, что В. Ф. Миллер имел в своем распоряжении всего 160 варварских имен из Танаиса, причем только 100 из них он признавал иранскими, остальные же считал принадлежащими другим варварским языкам (В. Ф. Миллер, Эпиграфические следы иранства на юге России, ЖМНП, 1886, сентябрь, стр. 265—267; он же, Осетинские этюды, ч. III, М., 1887, стр. 79). Такое расхождение наших данных объясняется не столько приращением ономастического материала, хотя некоторое увеличение его имело место, сколько тем обстоятельством, что В. Ф. Миллер подсчитывал самые имена, мы же ведем подсчет лиц, носивших эти имена. Естественно, что одно и то же имя могли носить несколько лиц. Так, имя Ардар засвидетельствовано минимум у шести танаисцев, имя Хофарн — у четырех и т. д.

ляющие выявить какую-либо специфику данного района: Гераклид, Менестрат, Зенон, Родон, Харитон, Деметрий, Аполлоний, Трифон и т. п.⁶ Гораздо более интересны имена иранского происхождения. Их североиранская основа была выявлена еще в середине XIX в. К. Мюлленгофом⁷. Позднее все эти имена, их лексические и семантические связи подверглись детальному исследованию в трудах лингвистов-иранистов — В. Ф. Миллера, Ф. Юсти, М. Фасмера, В. И. Абаева, Л. Згусты, Я. Харматты⁸. Но все эти исследователи, подробно разбирая этимологическую сторону вопроса, как правило, не обращали должного внимания на историко-хронологические показатели, не пытались различать надписи, упоминающие иранские имена, по времени и местонахождению. Между тем внимательный учет этих обстоятельств приведет к очень любопытным наблюдениям. Мы попытаемся здесь рассмотреть с этой точки зрения ираноязычные имена танаисских надписей и сделать из этих наблюдений выводы, касающиеся этнической истории Северо-Восточного Причерноморья.

В самом раннем из достоверных памятников танаисской эпиграфики⁹, известной надписи фиаса 104 г. н. э.¹⁰ среди 34 имен фиасотов и их родителей упоминаются всего 3 имени иранского происхождения — Мастус, Гастий и Сузас. Имя Μαστος (Μασθους) было широко распространено во всем Боспорском царстве с I в. до н. э. до III в. н. э.¹¹ Оно очень популярно и в Танаисе, где встречается в надписях до самого разгрома города в 240-х г. г.¹² Древнеиранское происхождение этого имени не подлежит сомнению, хотя значение образующих его корней определяется лингвистами по-разному¹³. Имя Σουσακ, наоборот, встречается лишь единственный раз. По предположению Ф. Юсти, оно происходит от названия персидского города Сузы, но в его греческой форме¹⁴. Это имя известно как имя одного из персов в трагедии Эсхила¹⁵. Гречезированная форма имени заставляет предполагать его искусственно-литературное происхождение¹⁶. Наконец, имя

⁶ См. A. F i s k, Die griechischen Personennamen nach ihrer Bildung erklärt und systematisch geordnet, Göttingen, 1894.

⁷ К. M ü l l e n h o f f, Über die Herkunft und Sprache der pontischen Scythen und Sarmaten, «Monatsberichte der Preussischen Akademie der Wissenschaften», 1866, VIII, стр. 549—576.

⁸ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 232—283; о н ж е, Осетинские этюды, ч. III, М., 1887; о н ж е, Язык осетин, М.—Л., 1962, стр. 18—21 (перевод книги W. M i l l e r, Die Sprache der Osseten, Strassburg, 1903, стр. 5—7); о н ж е, К иранскому элементу в припонтийских греческих городах, ИАК, 47, 1913, стр. 80—95; F. J u s t i, Iranisches Namenbuch, Marburg, 1895; M. V a s m e r, Untersuchungen über die ältesten Wohnsitze der Slaven, I. Die Iranier in Südrussland, Lpz, 1923; В. И. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, М.—Л., 1949, стр. 147—244; L. Z g u s t a, Die Personennamen griechischer Städte der nördlichen Schwarzmeerküste, Praha, 1955; J. H a r m a t t a, Studies in the Language of the Iranian Tribes in South Russia, «Acta orientalia Hungarica», I, 1951, № 2—3, стр. 261—314 (переведена полностью в книге: J. H a r m a t t a, Studies in the History and Language of the Sarmatians, Szeged, 1970, стр. 58—97. Далее ссылки даются по второму изданию).

⁹ Более раннее посвящение Биона и Феодора, сыновей Фанна, датируемое еще первой половиной I в. н. э. (КБН, 1316), не может быть с уверенностью отнесено к надписям Танаиса. См. Ш е л о в, Танаис и Нижний Дон..., стр. 68. Да в нем и нет иранских имен.

¹⁰ Т. Н. К н и п о в и ч, Танаис, М., 1949, стр. 116 и сл., рис. 44; А. С а л а ч, При устье Тихого Дона, «Pražska universita moskovská université. Sborník k vyrocí 1755—1955», Praha, 1955, стр. 213—217; А. И. Б о л т у н о в а, К истории Танаиса «Клио», 42, 1965, стр. 206; КБН, 1259.

¹¹ КБН, 36, 61, 80, 81, 99, 138, 276, 282, 400, 417, 463, 466, 467, 562, 624, 697, 795, 932, 962, 1093, 1141, 1145, 1176, 1179.

¹² КБН, 1250, 1266, 1269, 1272, 1277, 1280, 1282, 1283, 1287.

¹³ V a s m e r, ук. соч., стр. 44; Z g u s t a, ук. соч., стр. 116—117, № 146.

¹⁴ J u s t i, ук. соч., s. v.

¹⁵ A e s c h., Persae, 958.

¹⁶ Z g u s t a, ук. соч., стр. 324, № 743.

Γασταις, фигурирующее в надписи 104 г. в качестве отчества фисота Торакса, особенно часто употреблялось на Боспоре в I в. н. э., но засвидетельствовано и в более поздних памятниках¹⁷. В Танаисе оно больше не встречается. Оно возводится к древнеперсидскому корню *gasta* со значением «скверный», «противный»¹⁸; впрочем, уверенности в иранском происхождении этого имени нет¹⁹. На Боспоре известно и женское имя Γαστειν или Γαστιον²⁰.

Еще 14 надписей или их обломков из Танаиса датируются первой половиной II в. н. э.²¹ Эти надписи дают целую серию иранских имен. Среди них находятся два наиболее часто встречающиеся в Танаисе II—III вв. имени Фадином и Фарнак. Первое из них встречается в формах Φαδινικος и Φαδινικος только в Танаисе. Зато здесь оно фигурирует в качестве собственного имени или отчества не менее чем у 15 различных лиц²². Имя Φαρνακης (или Φαρνακος), наоборот — одно из самых употребительных в первые века нашей эры во всем Причерноморье²³. Популярности его не только здесь, но и во всем греческом мире, несомненно, способствовало то, что оно было династическим именем в роду Митридата Евпатора²⁴, но, вероятно, прав Л. Згуста, когда он предполагает наличие и местных североопонтийских корней этого имени в Северном Причерноморье²⁵. В Ольвии это имя встречается в форме Φαρνακος или в грецизированной форме — Φαρνακιων²⁶. Последняя форма очень широко распространена на Боспоре, она засвидетельствована, впрочем, и в Херсонесе, и в том же Танаисе²⁷.

Большинство остальных иранских имен, встречающихся в надписях Танаиса первой половины II в., также хорошо известны по эпиграфическим памятникам Пантикапея, Горгиппии, Феодосии и прочих городов Боспора, а иногда и других северочерноморских центров. Таковы имена 'Αρδαρος и его грецизированная форма 'Αρδαρισκος²⁸, Χοφαρνος²⁹, Μασταρος (производное от уже рассмотренного имени Мастус)³⁰, персидское имя Ариарат³¹ (если только оно правильно восстановлено в обрывке танаисской надписи)³². Имена Κοσους и 'Ομφαλακος, с меньшей уверенностью признаваемые специалистами за иранские³³, также известны за пределами Танаиса в первые века н. э.³⁴ Неполное имя 'Ιουδασαν ... танаисской надписи

¹⁷ КБН, 137, 376—380, 400, 556, 558, 561, 607, 715, 877, 1106, 1108, 1135, 1140, 1150, 1154, 1158, 1161, 1172, 1179, 1192.

¹⁸ Z g u s t a, ук. соч., стр. 89—90, № 94. О значении подобных имен см. там же, стр. 59—60.

¹⁹ См. А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 166.

²⁰ КБН, 592, 899.

²¹ КБН, 1240, 1254, 1261, 1263—1267, 1271, 1294, 1295, 1298, 1302, 1315.

²² КБН, 1242, 1243, 1250, 1251-а, 1263, 1276, 1277, 1278, 1280—1282, 1285, 1287, 1288, 1293.

²³ См. указатели к IOSPE, I² и КБН.

²⁴ Z g u s t a, ук. соч., стр. 159.

²⁵ Там же, стр. 159—160.

²⁶ IOSPE, I², 96, 107, 111, 116, 144; Надписи Ольвии (1917—1965), Л., 1968, № 79, 143, 145.

²⁷ Э. И. Соломоник, Новые эпиграфические памятники Херсонеса, Киев, 1964, № 52; КБН, 1278; ср. А. О. Билецкий, Про власні імена з ольвійських написів, «Археологія», XI, 1957, стр. 21.

²⁸ КБН, 36, 99, 898, 947, 1141, 1145, 1146, 1172, 1181, 1231, 1232.

²⁹ КБН, 36, 1140.

³⁰ КБН, 87, 463—465, 624, 929.

³¹ IOSPE, I², 95; КБН, 344, 359, 582, 638.

³² КБН, 1298.

³³ Z g u s t a, ук. соч., стр. 108—110, № 131; стр. 198—199, № 315; ср. Миллер, Эпиграфические следы..., стр. 267.

³⁴ IOSPE, I², 39, 103, 106, 175, 208, 227, 669; Надписи Ольвии, № 52; КБН, 61, 478, 479, 947 и др.

первой половины II в.³⁵ мы не находим в списках иранских имен у лингвистов-иранистов. Однако близкое имя, встречающееся примерно в это же время на Боспоре, — Ἰωδαξ³⁶ всеми признается за иранское³⁷. Очень любопытно имя Σχῖος³⁸, еще Фасмером сопоставленное с названием племени, упоминаемым в ольвийском декрете в честь Протогена³⁹.

Приведенные материалы показывают, что иранские по происхождению имена, бытовавшие в Танаисе в первой половине II в. н. э., в большинстве случаев встречаются и в городах Боспора и даже в других центрах Северного Причерноморья. Специально танаисскими могут быть признаны, кроме уже упомянутого имени Фадинама, только имена Ὀαρκοβαλαχος и Ὀβηρχς⁴⁰; впрочем, восстановление последнего имени в надписи 123 года весьма гадательно и произведено В. В. Латышевым по аналогии с более поздними надписями, где это имя читается полностью⁴¹.

Отмеченная особенность состава ираноязычных имен Танаиса первой половины II в. — господство среди них имен, встречающихся и в других областях Северного Причерноморья, — заставляет предполагать, что эти имена были свойственны той этнической среде, которая оказывала воздействие на все эти области. И хотя в Танаисе число иранских имен было относительно больше, чем в других северопонтийских городах, качественные отличия в составе ономастикона уловить для этого времени довольно трудно. Имея в виду это обстоятельство, уже В. Ф. Миллер связывал рассмотренную группу иранских имен со скифскими этническими элементами⁴². Правда, он считал возможным видеть в этих скифах только западных скифов или скифов-пахарей, с чем вряд ли можно согласиться⁴³. Но совершенно ясно, что рассмотренная нами группа иранских имен, встречающихся в танаисских надписях первой половины II в., должна была принадлежать племенам скифским или сарматским, распространившим свое влияние на все Северное Причерноморье не позднее I в. н. э.

Надписи третьей четверти II в., датирующиеся периодом правления царя Евпатора⁴⁴, и надписи, лишь приблизительно датируемые II веком, по палеографическим признакам⁴⁵, не вносят чего-либо нового в эту картину. В них появляется около полутора десятков новых иранских имен граждан Танаиса, большинство этих имен находит соответствие в именах жителей других боспорских городов. Так, имена Ὀβηρχος и Ζαβαρχος встречаются в надписях Пантикапея⁴⁶, Ῥαδαμειστος — в Феодосии⁴⁷, Σχασς — в Пантикапее и Гермонассе⁴⁸, Φιδας — в Пантикапее и Феодосии⁴⁹; в разных местностях Боспора засвидетельствовано бытование имен Βασταχας, Ζοτομλς, Στυρχηος, Πητεις⁵⁰. Имя Ὀχωδιαχος или Ὀχωζιαχος,

³⁵ КБН, 1263.

³⁶ КБН, 36, 706; ср. также женское имя Ἰωδα: КБН, 945.

³⁷ V a s m e r, ук. соч., стр. 41; А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 169; N a g m a t t a, Studies..., стр. 85; Z g u s t a, ук. соч., стр. 103, № 121.

³⁸ КБН, 1267.

³⁹ V a s m e r, ук. соч., стр. 50.

⁴⁰ КБН, 1264, 1265.

⁴¹ КБН, 1243, 1282.

⁴² М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 280.

⁴³ С р. А. Л. П о г о д и н, К вопросу о варварских именах на южнорусских греческих надписях, СПб., 1901, стр. 4.

⁴⁴ КБН, 1238, 1239, 1241, 1260, 1260-а.

⁴⁵ КБН, 1255, 1257, 1262, 1268—1270, 1272, 1273, 1300, 1301; А. И. Б о л т у - н о в а, Греческие надписи в донских музеях, НЭ, V, 1965, № 20.

⁴⁶ КБН, 101, 362.

⁴⁷ КБН, 947.

⁴⁸ КБН, 318, 427, 660, 1094.

⁴⁹ КБН, 36, 103, 947.

⁵⁰ КБН, 81, 89, 171, 700, 708, 722, 753, 811, 900, 1027.

часто упоминаемое в Танаисе II и первой половины III в.⁵¹, встречается в несколько измененной транскрипции — *Οὐαυοζακος* — в надписи Ольвии того же времени⁵².

Персидское имя *Ἀυαμενης*, впервые появляющееся в танаисской надписи 155 г. и затем неоднократно фигурирующее в надписях первой половины III в.⁵³, бытует в боспорских городах: Пантикапее, Феодосии, Горгиппии, судя по надписям, еще в I в. н. э., если не ранее⁵⁴. В ольвийских надписях это имя встречается один раз во II в. н. э., но носителем его и здесь является боспорец, которому была поставлена в Ольвии памятная плита⁵⁵. Другое персидское имя *Ἀρνακης* известно, правда, только в Танаисе, но его явно древнеперсидский или авестийский корень⁵⁶ заставляет предполагать, что и оно происходит из того греко-иранского ономастикона, который был распространен по всему восточносредиземноморскому миру⁵⁷. Единственно новым именем из появляющихся в надписях Танаиса в середине II в., которое можно считать характерным именно для Танаиса, является имя *Ἀμαρδαστος*.

Положение резко изменяется в конце II в. в царствование Савромата II. Уже в строительной надписи 188 г.⁵⁸ в списке лиц, участвовавших в восстановлении башни, появится значительное число новых иранских имен, не находящих себе соответствия ни в каких эпиграфических свидетельствах из других северочерноморских городов. Таковы имена *Ἰαμβουστος*, *Ἰρβις*, *Χοδαμος*, *Ἰουαρζανης*, *Διδυμοζαρθος*. Последнее имя представляет собой явную ираноязычную переделку греческого имени *Διδυμαρχος*⁵⁹, остальные имена безусловно иранские⁶⁰. В той же надписи впервые появляется и имя *Σιαακος*, встречающееся и в более поздних танаисских памятниках. Оно может быть сопоставлено с именем *Σεαακος*, фигурирующим в надписи, найденной в Керчи⁶¹. Но эта надпись принадлежит уже очень позднему времени, она упоминает позднейшего загадочного боспорского царя Душтуна, царствовавшего не ранее IV в. н. э.⁶², когда Танаиса уже не существовало. Видимо, во времена танаисской надписи имя Сиавак не было распространено на Боспоре. В сравнительно поздних боспорских надписях⁶³ встречается и имя *Ἀρδαρακος*, также упоминаемое в танаисской строительной надписи 188 г. и в более поздних эпиграфических памятниках Танаиса⁶⁴. Но в отличие от имени Сиавака можно думать, что имя Ардарак бытовало на Боспоре и в более раннее время, поскольку это имя является лишь дериватом от уже известного нам корня, образующего имена Ардар и Ардариск, распространенные в Северном Причерноморье во II—III вв.

Как видим, подавляющее большинство иранских имен, впервые появляющихся в Танаисе в конце II в. н. э., в других боспорских и вообще

⁵¹ КБН, 1270, 1279, 1280, 1282, 1287, 1288.

⁵² IOSPE, I², 86.

⁵³ КБН, 1260, 1278, 1282, 1288, 1301.

⁵⁴ КБН, 76, 84, 331, 622, 709, 947, 1139.

⁵⁵ IOSPE, I², 202.

⁵⁶ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 249; А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 155; Z g u s t a, ук. соч., стр. 274, № 543.

⁵⁷ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 276 и сл.

⁵⁸ КБН, 1242.

⁵⁹ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 261; V a s m e r, ук. соч., стр. 38; Z g u s t a, ук. соч., стр. 94, № 102.

⁶⁰ См., особенно, М и л л е р, К иранскому элементу..., стр. 91—92; Z g u s t a, ук. соч., стр. 101—102, № 117, 119; стр. 130, № 177; стр. 167, № 252; H a r m a t t a, Studies..., стр. 80—81.

⁶¹ КБН, 67.

⁶² V. F. G a j d u k e v i č, Das Bosporanische Reich, В., 1971, стр. 516 сл.

⁶³ КБН, 36, 103, 1016.

⁶⁴ КБН, 1277, 1278, 1280.

северочерноморских городах не представлено. Это же явление характерно и для ономастикона Танаиса первой половины III в. н. э. Мы приведем здесь список имен, появляющихся в это время в надписях Танаиса, с указанием даты их первого упоминания и параллелей в надписях других городов Северного Причерноморья. Вот такие имена с несомненно ираноязычной основой⁶⁵.

1. 244 г. 'Αβδαρακος
2. 225 г. 'Αβροξεος
3. 220 г. 'Αζαριων
4. 225 г. 'Αμαιακος ('Αμειακος)
5. 225 г. 'Αμαρδιακος
6. 220 г. 'Αμβουστος
7. Начало III в. 'Αρατης. Персидское по происхождению имя, представляющее сокращенную форму от имени Ариарат⁶⁶. Оно известно в роду Митридата Евпатора⁶⁷. Встречается в Пантикапее в III в. н. э.⁶⁸
8. 225 г. 'Αραουηβος
9. 225 г. 'Αρδαγδακος
10. 225 г. 'Αρδινδιανος
11. 224 г. 'Αρδοναγαρος
12. 225 г. 'Αρδοναστος
13. 244 г. 'Αραστιρος
14. 244 г. 'Αρχαθιος
15. 220 г. 'Ασπακος
16. 225 г. 'Αспанδανος
17. 225 г. Αύβαδαγος
18. 228 г. Αύναμος
19. Первая половина III в. Αύραζακος
20. 220 г. 'Αφθαμιακος ('Αφθειμακος)
21. 220 г. 'Αψαχος
22. 228 г. Βαγδοσαυος
23. 225 г. Βαγδοχος
24. 220 г. Βαιορασπος
25. 193 г. Βορασπος
26. 210—226 гг. Γαος
27. 244 г. Γοδοσαυος
28. 220 г. Γωσακος
29. 225 г. Δαναρασμακος
30. 220 г. Δοσυμοξαριθος
31. 220 г. Εύβαρνακης
32. 228 г. Ζαρανδος
33. 225 г. Ζευακος
34. 209 г. Ζωρθινης (Ζωρθινος)
35. 244 г. Θιαβωγος
36. 220 г. Θιαγαρος
37. 244 г. Θιαρμακος
38. 225 г. Θυλογанος
39. 220 г. 'Ιασανδанаκος

⁶⁵ Этимологическую расшифровку этих имен можно найти в указанных трудах В. Ф. Миллера, Ф. Юсти, М. Фасмера, В. И. Абаева, Л. Згусты и Я. Харматты. Иногда разные исследователи принимают различное осмысление того или иного имени, но для нас это в данном случае не существенно, важно само признание ираноязычности корневой основы и структуры имени.

⁶⁶ J u s t i, ук. соч., s.v.; Z g u s t a, ук. соч., № 540.

⁶⁷ M e m n., Peri Heracl., XV, 30.

⁶⁸ КВН, 97.

40. 244 г. 'Ιαυακος
41. 225 г. 'Ιραυαδις
42. 244 г. 'Ιργανος
43. 220 г. 'Ιταλορασπος
44. 220 г. Καδανακος
45. Начало III в. Λεζιμανος
46. 244 г. Λιμνακος. Два последних имени принадлежат группе имен одного значения — «друг, милый», объясняемых из авестийских и осетинских корней⁶⁹. Оба имени бытовали в III в. н. э. в Пантикапее и в Горгиипии⁷⁰.
47. 228 г. Μαδακος
48. 225 г. Μαδωις
49. 244 г. Μανδασος
50. 228 г. Μαρδαυος
51. 220 г. Μευακος
52. 225 г. Ναβαζος. Имя встречается во II в. в Ольвии⁷¹.
53. 220 г. Ναυακος (Ναυαγος)
54. 244 г. Ξαρθακος. Это же имя в несколько видоизмененной форме Ξαρθαμος известно как имя одного из ольвийских стратегов II в. н. э.⁷²
55. 210—226 гг. 'Οδιαρδος
56. 225 г. 'Ομρασмаκος
57. 220 г. 'Οξαρδωζις
58. 225 г. 'Οσμαρακος
59. 220 г. 'Οσσιγασσος
60. 228 г. Οβαραζακος
61. 228 г. Οβαστοβαλος
62. 220 г. Οβстанος
63. 220 г. Πιτοφαρνακης. Это имя в разных начертаниях встречается в надписях Тире и Боспора II и III вв. н. э.⁷³
64. 220 г. 'Ραδαμοφουρτος
65. 225 г. 'Ρασσογος
66. 225 г. 'Ραγοισακος
67. 225 г. 'Ρωδιγασος
68. 228 г. Σακδεος
69. 220 г. Σανδαρζιιος
70. 234—239 гг. Σαρακος
71. 228 г. Σαυακωσος
72. 225 г. Σαυακων
73. 244 г. Σιαγους. Имя упомянуто в горгиипийской надписи конца II—начала III в.⁷⁴
74. 225 г. Σιρανος
75. 244 г. Σιωμαγος
76. 173—210 гг. Σογος. Имя получило распространение на Боспоре во II—IV вв. н. э.⁷⁵
77. 228 г. Σοζιρσαυος
78. 228 г. Σορχακος

⁶⁹ Миллер, Эпиграфические следы..., стр. 243; он же, К иранскому элементу..., стр. 85; Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 166; Z g u s t a, ук. соч., стр. 164, № 241.

⁷⁰ КБН, 36, 96, 1179.

⁷¹ IOSPE, I², 137, 138.

⁷² IOSPE, I², 83.

⁷³ IOSPE, I², 2; КБН, 1181.

⁷⁴ КБН, 1179.

⁷⁵ КБН, 36, 64, 1143, 1159.

79. 225 г. Στορμαῖς
80. 210—226 гг. Στοσαραχος
81. 228 г. Φαδιαροαζος
82. 228 г. Φαδιους или Φαζιους. Имя встречается в Пантикапее в III в. н. э.⁷⁶
83. Начало III в. Φαλδαρανος
84. 220 г. Φαρνοξαρθος
85. 244 г. Φηδαναχος
86. 220 г. Φιδανους. Это имя является, видимо, вариантом уже известного нам имени Φιδας⁷⁷. Имена этого корня широко распространены во II—III вв. по всему Северному Причерноморью⁷⁸.
87. 210—226 гг. Φοδαχος. Имя упоминается в фанагорийской манумиссии времени царя Аспурга⁷⁹.
88. Начало III в. Φορϋαβαχος
89. 225 г. Φορηρανος
90. 225 г. Φοριανος
91. 228 г. Φορος
92. 210—226 гг. Φοσαχος
93. 228 г. Φουρτας
94. 220 г. Χαραξτος
95. 244 г. Χαρξαβογαδος
96. 220 г. Χοαργαρος
97. 220 г. Χοαροφαδιος
98. 220 г. Χοδιαχιος
99. 228 г. Χομευος
100. Начало III в. Χοραχθος
101. Начало III в. Χοφρασμος
102. 225 г. Χωδονаχος

Этимологические связи следующей группы имен менее отчетливы, чем у приведенных выше. Но все эти имена бесспорно принадлежат варварскому ономастическому и иранское происхождение большинства из них более чем вероятно:

103. 220 г. 'Αβηδαμων
104. 225 г. 'Αζος
105. 225 г. 'Αδιαγας
106. 244 г. 'Αρσοαραχος
107. 228 г. Αδασκис
108. 209 г. Βαλωδις
109. 244 г. Βωροβαραχος
110. 244 г. 'Ηθιοχαχος
111. 244 г. 'Ιζιαχος
112. 244 г. Λωβεις
113. 225 г. Μεγис
114. 210—226 гг. Μηδαχος или Μησαχος. Имя известно в Пантикапее в первой половине III в.⁸⁰
115. Начало III в. Μιδαχος. Это имя встречено в христианской надписи IV в. н. э. неясного содержания, найденной в Тамани⁸¹.
116. 220 г. Νιβλοβωρος

⁷⁶ КБН, 36, 947.

⁷⁷ Абаев, Осетинский язык и фольклор, стр. 177; H a r m a t t a, Studies..., стр. 88; Z g u s t a, ук. соч., стр. 161—163, № 240.

⁷⁸ IOSPE, I², 2, 98, 103, 104, 111, 135; Надписи Ольвии, № 85; КБН, 36, 103, 947.

⁷⁹ КБН, 985.

⁸⁰ КБН, 98, 105.

⁸¹ КБН, 1099.

117. 228 г. Νιγοςας
118. 220 г. Εηγηδης
119. 225 г. Ειαμφωκανος
120. 225 г. 'Οχυμακος
121. 244 г. 'Ορστομηγος
122. 244 г. Οϊανουνοβαρος
123. 228 г. Ουροαστιρος
124. Начало III в. Ραλχαδος
125. 228 г. Σαβωδακος
126. 228 г. Σαρорγος
127. 225 г. Σαυνασος
128. 244 г. Σεμεικος
129. 225 г. Φαυγος
130. 225 г. Χαυσαβογαζος
131. 244 г. Χαυχακος

Бросается в глаза, что из 130 имен, приведенных в наших списках, только 13 находят себе соответствие в именах жителей других городов. Интересен и состав этих 13 имен. Большинство их явно не принадлежит к той группе вновь появившихся иранских имен, которая нас теперь занимает. Имена Арат, Ксартан и Питофарнак несомненно имеют персидское происхождение⁸² и, вероятно, должны быть сопоставлены с уже упоминавшимися именами Ахемен, Фарнак и т. п. Имя Фидан принадлежит, как уже отмечалось, обширной группе имен с основой pita «отец» (эту же основу имеет и первая часть имени Питофарнака), распространенной во всех иранских языках и, надо думать, характерной для иранского имятворчества вообще. Имя Фодакос, не очень убедительно выводимое В. Ф. Миллером и В. И. Абаевым из осетинских корней⁸³, находит себе точное соответствие в корнях авестийских⁸⁴. Иранская основа имен Метак и Мидаха вообще не очень надежна, первое из них вполне может оказаться, например, и фракийским по происхождению⁸⁵.

Зато те иранские имена, которые впервые появляются в надписях Танаиса в конце II или в первой половине III в. н. э. и не повторяются ни в каких других эпиграфических памятниках Причерноморья, почти все принадлежат одной тесной группе, характеризующейся особенной близостью к корням осетинского языка, именно его дигорского диалекта. Еще В. Ф. Миллер заметил, что параллели осетинскому особенно заметны в ономастике Танаиса⁸⁶; он даже привел несколько современных осетинских имен, звучащих почти так же, как имена древних танаисцев⁸⁷. В. И. Абаев также отмечает наличие некоторых древних имен и в современной осетинской просопографии и в нартском эпосе осетин⁸⁸. В. Ф. Миллер считал, что большинство иранских имен из танаисских надписей может рассматриваться не только как имена древнеиранские, но как «древнеосетинские»⁸⁹. Мы можем теперь сказать, что эта близость языка танаисских надписей и осетинского создавалась за счет именно рассматриваемой

⁸² М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 245, 252; Z g u s t a, ук. соч., № 157, 184, 540; H a r m a t t a, Studies..., стр. 88, 94.

⁸³ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 244; А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 166.

⁸⁴ H a r m a t t a, Studies..., стр. 88—89.

⁸⁵ С р. Д. Д е ч е в, Характеристика на тракийския език, София, 1952, стр. 11, 15, 29, 32, 38.

⁸⁶ М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 269, 280; о н ж е, Осетинские этюды, ч. 3, стр. 82; о н ж е, Язык осетин, стр. 18.

⁸⁷ М и л л е р, Осетинские этюды, ч. 3, стр. 84.

⁸⁸ А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 174, 184, 187, 190.

⁸⁹ М и л л е р, Язык осетин, стр. 18.

группы имен, появившейся в надписях Танаиса не ранее конца II в. н. э. Не случайно именно этой группе принадлежат почти все особенно характерные имена, перечисленные В. Ф. Миллером (там же, стр. 18—20).

Конечно, в Танаисе и в первой половине III в. продолжают бытовать те ираноязычные имена, которые были приняты здесь еще в предыдущем столетии и которые восходили, как мы видели, к общепричерноморскому или даже к еще более широкому восточносредиземноморскому ономастико-кону. Мы находим в это время в Танаисе такие имена, как Фарнак, Маст, Ардар, Ахемен и др. Достаточно широко распространены среди жителей Танаиса и имена греческие, римские и другие. Но вновь появляющиеся в танаисских надписях ираноязычные имена практически все оказываются характерными только для этого города и не засвидетельствованы в других местах.

Указанное явление может быть объяснено только тем, что новые имена принесены в город новой этнической группой, влившейся в население Танаиса. Видимо, какое-то ираноязычное племя передвинулось в район Танаиса и представители его вошли в состав танаисского гражданства, принеся с собой новые имена. То обстоятельство, что имена этой группы отсутствуют в надписях городов центральной части Боспора, свидетельствует о локальном характере этого движения. Центральные области Боспора остались в стороне от него, предполагаемое племя целиком осело в районе Танаиса.

Обращает на себя внимание и тот факт, что в этой вновь появляющейся группе имен почти не удается обнаружить того влияния греческого языка, которое прослеживается в ираноязычном ономастике Танаиса более раннего времени и которое приводило к возникновению иранских имен с греческими суффиксами вроде имен Фарнакион или Ардариск. Единственным исключением является имя *Εὐζαρχαχης*, в первом слове которого можно видеть греческую кальку иранского *hu* «добрый, хороший», а во второй части обнаружить несколько видоизмененную основу *фарн*⁹⁰, вообще очень характерную для иранского имятворчества⁹¹. С другой стороны, мы видели, что греческое имя Дидимарх (или Дидимах) подверглось в этой группе имен явной иранизации, превратившись в *Διδιμοξαρδος*.

Приведенная хронология танаисских имен указывает на то, что отразившийся в ономастике прилив нового населения имел место где-то между 50-ми и 80-ми годами II в. В надписях первой четверти III в. новые имена оказываются уже соединенными с чисто греческими или римскими именами: *Θιαρχος Ἀντισθένου*, *Ραδαμοφορτος Τρέφωνος* и т. п. (КБН, 1278). Такое соединение иранского имени с греческим патронимом (или наоборот) могло получиться только в условиях бытования новых имен в античном городе. Лица, поименованные в надписях 220, 223 гг., должны были родиться не позже рубежа II и III вв., а их отцы, носящие иногда иранские, а иногда уже и греческие имена, — не позже 180 г. н. э. Поэтому включение нового населения в состав танаисского гражданства следует относить скорее всего к третьей четверти II в.

Археологические материалы из раскопок Недвиговского городища и его некрополя хорошо согласуются с этим предположением. Во II в. н. э. (более точную дату установить не удается) в танаисском могильнике появляется группа погребений, характеризующаяся новыми чертами погребального обряда, ранее здесь не засвидетельствованными — се-

⁹⁰ А б а е в, Осетинский язык и фольклор, стр. 164.

⁹¹ О значении понятия *фарна* в верованиях иранских племен и в иранской ономастике см. Б. А. Литвинский, Кангуйско-сарматский *фарн*, Душанбе, 1968, особенно стр. 59—71. Ср. E. Veneniste, *Études sur la langue ossète*, P., 1959, стр. 127.

верной ориентировкой погребенных, положением кистей рук покойника на таз, иногда перекрещиванием ног в голених⁹². Все эти особенности обряда характерны для сарматской культуры Нижнего Поволжья⁹³. В танаисском некрополе они могут быть связаны с появлением в городе новых этнических элементов, принесших с собой эти черты сарматской погребальной обрядности. В это же время в танаисском некрополе получают распространение и некоторые другие явления, которые могут быть связаны с возрастанием сарматского элемента в городе: широкое применение подбойных могил, наличие в могилах мела, краски, реальгара, отщепов камня⁹⁴. Эти явления хорошо засвидетельствованы в сарматских могильниках Поволжья или в некрополях боспорских городов и прикубанских могильниках периода сарматизации Прикубанья и Боспора⁹⁵. Возрастание роли сарматских элементов можно отметить и в материальной культуре Танаиса II в. н. э., что выражается в широком распространении в городе лощеной керамики сарматских форм, сосудов с зооморфными ручками, курильниц с боковыми отверстиями⁹⁶, зеркал с боковыми ручками⁹⁷, тамгообразных знаков сарматского круга и т. п.⁹⁸

Очень важны наблюдения М. М. Герасимовой над антропологическим материалом из танаисских погребений. Она связывает с сарматами европеоидный брахицефальный тип с широким, высоким и уплощенным лицом, представленный главным образом черепами из могил II—III вв. н. э.⁹⁹ Не ранее чем ко II в. относятся и все танаисские погребения с деформированными черепами¹⁰⁰. Нарушение морфофизиологических корреляций приводит М. М. Герасимову к выводу о том, что в населении Танаиса этого времени сохранялась обособленность пришедшей сарматской группы населения, что метисация была незначительна и что культурное взаимодействие предшествовало биологическому смешению¹⁰¹. Как мы видели, это культурное взаимодействие ярко проявилось и в том, что вновь пришедшие элементы сразу после их появления в Танаисе начинают употреблять греческие и иные имена, которые были распространены в Танаисе ранее.

⁹² Д. Б. Шелов, Некрополь Танаиса (раскопки 1955—1958 гг.), М., 1961 (МИА, № 98), стр. 91, 92; он же, Танаис и Нижний Дон..., стр. 236—238; Л. М. Казакова, И. С. Каменецкий, Курганы Танаиса, КСИИМК, вып. 124, 1970, стр. 86.

⁹³ Б. Н. Граков, ΓΥΝΑΙΚΟΚΡΑΤΟΜΕΝΟΙ. Пережитки матриархата у сарматов, ВДИ, 1947, № 3, стр. 105; К. Ф. Смирнов, Новые данные по сарматской культуре Северного Кавказа, КСИИМК, вып. XXXII, 1950, стр. 113; он же, Курганы у сел. Иловатка и Политотдельское Сталинградской области, МИА, № 60, 1959, стр. 316; В. П. Шилов, Калиновский курганный могильник, там же, стр. 429, 456; М. Г. Мошкова, Памятники прохоровской культуры. САИ, ДІ — 10, М., 1963, стр. 21.

⁹⁴ Шелов, Некрополь Танаиса, стр. 87—88, 91; он же, Танаис и Нижний Дон..., стр. 59, 234, 237—238; Казакова, Каменецкий, ук. соч., стр. 83.

⁹⁵ Граков, ук. соч., стр. 104, 109; Мошкова, ук. соч., стр. 23—24; К. Ф. Смирнов, Савроматы, М., 1964, стр. 94 и сл.; Шилов, ук. соч., стр. 430.

⁹⁶ Т. М. Арсеньева, Лепная керамика Танаиса. I. Открытые сосуды, сб. «Древности Нижнего Дона», М., 1965, стр. 186—187, табл. V.

⁹⁷ Книпович, Танаис, стр. 55 сл.; А. М. Хазанов, Генезис сарматских бронзовых зеркал, СА, 1963, № 4, стр. 85 и сл.

⁹⁸ Д. Б. Шелов, Эллинические и варварские элементы в Танаисе в свете новых данных, сб. «Griechische Städte und einheimische Völker des Schwarzmeergebietes», В., 1961, стр. 112 и сл.

⁹⁹ М. М. Герасимова, Антропологическая характеристика черепов из грунтовых погребений Танаиса, сб. «Древности Нижнего Дона», М., 1965, стр. 256 сл.; она же, К вопросу об этническом составе населения древнего Танаиса, СЭ, 1971, № 4, стр. 131 сл.

¹⁰⁰ Шелов, Танаис и Нижний Дон, стр. 60.

¹⁰¹ Герасимова, Антропологическая характеристика..., стр. 260; она же, К вопросу..., стр. 140.

Таким образом, археологические и антропологические данные достаточно ясно говорят о процессе сарматизации населения Танаиса во II в. н. э. Свидетельством этого же процесса скужит и появление в городском ономастиконе рассмотренной группы иранских имен. Их сарматская принадлежность не может вызывать никаких сомнений. Еще В. Ф. Миллер определил сармато-аланскую принадлежность большинства иранских имен северочерноморских надписей, прежде всего танаисских¹⁰². М. Фасмер также рассматривает эти имена как сарматские, выделяя в особые главы своего исследования языки скифский и сарматский¹⁰³. Л. Згуста идет по тому же пути. Он различает среди северопонтийских иранских имен, принадлежащих, по его мнению, одному языку, два диалекта — более ранний, стоящий ближе к авестийскому и древнеперсидскому, и позднейший, более близкий к осетинскому. Первый диалект он связывает со скифами, второй, распространенный в области Танаиса и на Боспоре Киммерийском, — с сарматами¹⁰⁴.

Правда, существуют и другие точки зрения. В. И. Абаев все ираноязычные племена и народы не только Причерноморья, но и Средней Азии считает «скифами» и отказывается от возможности деления ономастического материала на различные языковые группы, хотя и не отрицает наличия внутри «скифского» языка диалектальных различий¹⁰⁵. Возражая против этого, Я. Харматта, наоборот, приписывает все ираноязычные имена сарматам, не считая возможным выделить в них скифские элементы, но различая внутри сарматского языка отдельные диалекты¹⁰⁶. Не вменяясь в лингвистическую сторону спора, следует отметить, что с точки зрения истории Причерноморья все же следует по возможности различать разные этнолингвистические группы. В этом отношении концепция В. Миллера — М. Фасмера — Л. Згусты представляется более правомерной и перспективной.

Что касается большинства имен танаисских надписей, в частности тех имен, которые нас здесь интересуют, то не может быть никаких сомнений в принадлежности их носителей к какой-то сравнительно небольшой и замкнутой, скорее всего аланской, этнической группе. Судя по приведенным выше археологическим данным, эта группа передвинулась в область Танаиса скорее всего из Нижнего Поволжья или Прикаспия. Может быть, в этой связи стоит упомянуть о том, что одно из принадлежащих этой группе имен *Ἀραρδιακός*, упоминаемое в танаисской надписи 225 г. (КБН, 1279), может быть сближено¹⁰⁷ с названием племени *Ἀραρδοί*, локализуемого, согласно сообщениям Страбона и других авторов¹⁰⁸, где-то между Каспийским и Аральским морями.

В танаисских надписях первой половины III в. встречается¹⁰⁹ и имя *Ζωρδίνης*, живо напоминающее¹¹⁰ имя царя сираков *Zorsines*, упоминаемого Тацитом¹¹¹. Сираки представляли значительную силу в Прикубанье и Восточном Приазовье и наличие имени Зортина в танаисской

¹⁰² М и л л е р, Эпиграфические следы..., стр. 264—269, 275—276; о н ж е, Осетинские этюды, стр. 84 и сл.

¹⁰³ V a s m e r, ук. соч., гл. 2 и 3.

¹⁰⁴ Z g u s t a, ук. соч., стр. 245—259; о н ж е, The Iranian Names from the North Coast of the Black Sea, «Acta Orientalia Hungarica», IV, 1954, стр. 245—249.

¹⁰⁵ А б а е в, Осетинский язык, стр. 147—148; ср. о н ж е, Скифо-европейские изоглоссы на стыке Востока и Запада, М., 1965.

¹⁰⁶ H a r m a t t a, Studies..., стр. 76 сл., 102—103.

¹⁰⁷ Z g u s t a, ук. соч., 187, № 271.

¹⁰⁸ S t r a b o, XI, 7, 1; 13, 3; P o m p. M e l a, III, 5, 39, 42.

¹⁰⁹ КБН, 1276—1278, 1280.

¹¹⁰ J u s t i, ук. соч., стр. 387; V a s m e r, ук. соч., стр. 39.

¹¹¹ T a c., Ann., XII, 15, 17, 13.

надпись является, вероятно, результатом географической близости этого города к сиракскому племенному союзу. Надпись 193 г. из Танаиса сохранила нам известие о войне Савромата II против сираков и о победе его над этими племенами (КБН, 1237). Может быть, активность сираков на восточных границах Боспорского царства была связана с теми движениями в мире сармато-аланских племен, одним из проявлений которых явилось перемещение какой-то племенной группы в район Танаиса.

Откуда и под влиянием каких факторов произошло это перемещение, можно только гадать, но самый факт его засвидетельствован достаточно надежно. Анализ ономастических данных из Танаиса, с одной стороны, позволяет установить этот эпизод в истории сармато-аланского племенного мира, а с другой,— конкретизирует то представление о сарматизации городского населения Танаиса и его культуры во II в. н. э., которое создается на основе изучения археологических и антропологических материалов.

FROM THE ETHNIC HISTORY OF THE AZOV REGION IN THE
II—III CENTURIES A. D.

by D. B. Shelov

The epigraphical monuments of Tanais contain hundreds of names of the city's inhabitants in the II—III centuries. Study of these names has revealed certain trends in the ethnic history of Tanais and the Azov region in the early centuries of our era. The names most commonly occurring in Tanais are Iranian and Greek, with the Iranian names constantly increasing in relative frequency in the II—III centuries, while the Greek names steadily lose ground, which reflects the Sarmatisation of the population. Analysis of the Iranian names shows that in the first half of the II century those in use in Tanais were also widely used in the North Black Sea region; whereas, beginning with the third quarter of the same century, a large group of Iranian names appear in Tanais which were not there before and have not been found anywhere else in the Black Sea area. The appearance of this group of names can be explained only on the hypothesis that a new ethnic group had moved into the Tanais district, probably from the Volga-Caspian steppes. Archaeological and anthropological data support this interpretation of the onomastic evidence.